

абсолют, который «гасит» в себе противоположные силы и тенденции реального мира. Ничто предусматривает абсолютную нейтральность и полное умиротворение всех сил и тенденций, поэтому его бытие может быть выражено только в «нулевых» состояниях объекта... Быть отвергнутым, незначительным, ничтожным, «нулем» – как раз и есть способ существования Ничто, ко-

торый может быть пережит в опыте почти как потрясение, ибо от «ничтожного до Великого – один шаг»...

Впрочем, это уже вопросы профессионального метафизического мышления, которые не являются, конечно, обязательными «учебными предметами» для изучения и могут быть спокойно отброшены молодыми учеными как совершенно «ничтожные»...

В. ПОРУС, профессор
Университет Российской академии образования

О кризисе вузовской философии

Дискуссия о преподавании философии – скажу с горечью – напоминает строку известного поэта: «Давайте после драки помашем кулаками». Призрак П. А. Ширинского-Шихматова появился на российской сцене в тот момент, когда обозначились контуры реформ высшего образования, и бессмертный афоризм князя о сомнительности пользы и очевидности вреда от философии стал повторяться ответственными (или безответственными?) лицами, не о каждом из которых можно сказать: «Прости ему, Боже, ибо не ведает, что творит!». И вот ощущение кризиса вузовской философии стало ясным до боли.

Хорошо помню «перестроечные» дискуссии о философии в конце 80-х гг. только что откатившего в вечность столетия. Какие были надежды, какой энтузиазм! Бледнея от собственной смелости, мы «рвали с прошлым», предлагали увлекательные проекты реформирования философских исследований, претендовали на заметную роль в социально-политических и культурных преобразованиях...

Куда ты, удаль прежняя, девалась?.. С началом 90-х гг., столкнувшись с жестокой реальностью, философское общество страны занялось проблемами собственного выживания: на нищенскую зарплату не проживешь, и профессура кинулась на поиски заработков. Блистательные замыслы были отложены, зато закипела деятельность по имитации нововведений: один за другим явились новые ГОСы, вослед им на полки книжных магазинов и вузовских библиотек выпрыгнули соответствующие учебники, хрестоматии, программы, учебные пособия – и все это на фоне *неуклонно падающего интереса* и, наоборот, *растущего недоверия* к философии на всех уровнях, от студентов до чиновников, принимающих решения о структуре и содержании высшего образования.

Передо мной материалы двух всероссийских конференций: «Проблемы преподавания философии в высшей школе» (Москва, март 1996 г.) и «Философия преподавания философии» (Калуга, сентябрь 2000 г.), а также тезисы выступлений на III Всероссийской

ком философском конгрессе (Ростов-на-Дону, сентябрь 2002 г.). Заметим, это уже сегодняшняя реальность. Но как благодущны авторы, даже видящие недостатки и вслух говорящие о них! Нет ощущения кризиса. Напротив, избыток надежд и оптимизма: в принципе все неплохо, надо только кое-что подправить, улучшить, приблизиться к интеллектуальным запросам студентов, связать философские курсы с прочими компонентами вузовского образования... Правда, чем эти выступления современнее, тем оптимизм деревяннее, и хотя призрак достославного князя уже обжился на сцене, но его как бы еще не все слышат и замечают.

А не замечать уже нельзя. И если не заниматься самообманом, надо сказать прямо: положение философии в вузах России не просто незавидное, оно *катастрофическое*. Не признать катастрофы – значит делать необратимыми ее последствия.

Да, новые учебники, но кто скажет, что они «зачитываются до дыр» студентами, ищущими ответы на мировоззренческие вопросы? И дело даже не в том, что большинство из этих учебников невыносимо скучны. Самое неприятное в другом: попытки убедить студентов, что философия действительно является дисциплиной, без которой высшее образование – вовсе не высшее, а ущербное и неполноценное, оказываются безуспешными. В большинстве вузов философия в сознании студентов (и не только студентов) – лишний предмет, отнимающий время и ничего не дающий в награду за интерес к ней и усилия, затраченные на лекциях, семинарах, зачетах и экзаменах.

Вот заметки из моего жизненного и преподавательского опыта. На протяжении нескольких лет я принимаю экзамены по философии у тех, кто поступает в аспирантуру Университета Российской академии образования. Нако-

пился статистический материал – сотни ответов на вопросы, которые я задаю будущим ученым (в основном это аспиранты гуманитарного профиля – юристы, экономисты, педагоги, филологи и др.). Беседуя с ними, я спрашиваю: «Что Вам удалось запомнить непосредственно из вузовского курса философии?». Практически все отвечают: «Сказать честно, ничего». Иногда спрашиваю: «Помните ли Вы преподавателя, который читал Вам философию?». Примерно 90% отвечают «Нет». Бывает, говорят: «Да, симпатичная женщина (мужчина)». На вопрос: «Как Вы относитесь к философии?» – отвечают уклончиво, но если вызвать на откровенность, то прямо говорят: «Отрицательно». «Почему?» – «Потому, что она бесполезна, отнимает драгоценное время и в этом смысле даже вредна». Спрашиваю: «Считаете ли Вы, что нет такой философии, к которой Вы отнеслись бы положительно?». Примерно 60% отвечают: «Да, именно так я и считаю», остальные колеблются: одни затрудняются ответить, другие говорят, что, «возможно, есть какая-то *другая* философия, но я, к сожалению, с ней не встретился». При этом на вопросы «по билету» почти все отвечают более или менее удовлетворительно.

Обратите внимание на ответ, который считаю знаменательным. «Почему вы относитесь негативно к философии?» — «Потому, что она *бесполезна*». Ведь это в точности то самое, что некогда утверждал Огюст Конт. Его «демаркация» между наукой и философией была проще пареной репы – позитивные науки полезны, а философия бесполезна. Что же имеют в виду современные Конты?

Они скорее всего думают, что философия практически не нужна человеку в его профессиональной деятельности. Но, может быть, есть какая-то иная польза от философии?

Например, Жорес Алферов, как и другие крупнейшие ученые, считает, что слабое знакомство с философией сужает горизонт фундаментальной науки, что именно философия позволяет ученому «связать свои открытия с общими представлениями о мире и месте в нем человека», но этого-то и не хватает нашей науке. Разумеется, нобелевский лауреат тысячу раз прав. Но в том смысле, в каком философия нужна *ученым*, она вряд ли нужна армии студентов, из которых подавляющее большинство ни о какой работе в фундаментальной науке не помышляет, а стремится в лучшем случае получить специальность, чтобы затем как-то устроиться в жизни (говорю, *в лучшем случае*, ибо всем известно, какое количество молодых людей видит в своем высшем образовании что угодно: шанс отвернуться от армейской службы, приятную тусовку, путь к заветной «корочке», сулящей известный престиж, – но не связывает с ним надежд на будущую профессию и возможность жить ею).

Скептические разговоры о «*практической пользе философии*» не новы. О Конте я уже упоминал, но и сегодня упрекают философию (иногда справедливо) в том, что она мало заботится о своих практических применениях. Почему-де философы не доказывают делом, как философия необходима в разных и важных предприятиях – скажем, при разработке социальных проектов или выработке политических программ, при определении перспектив и приоритетов социального или технологического развития? А доказали бы, тогда и сомнения развеялись бы, и студенты занялись бы философией так же прилежно, как начертательной геометрией или сопроматом, иностранным языком или информатикой. А вот не доказывают – по лени или по неспособности, – и отсюда то межеумочное по-

ложение, в каком наша вузовская философия находится.

Что сказать! Конечно, было бы здорово, если бы вузовский профессор философии выступал «экспертом и критиком, аналитиком и прогнозистом на межпредметном и межкафедральном теоретическом семинаре по широкому спектру научных направлений»; разумеется, это повысило бы и престиж философии и побудило бы к занятиям ею [1, с. 45]. Но, с одной стороны, многие ли профессора философии способны на это? И с другой – часто ли встречаются в наших вузах такие теоретические семинары, которые не то что нуждались бы в экспертизе и критике со стороны философов, но даже хотя бы из вежливости приглашали бы их на свои заседания?

Реальность же такова, что философия как бы поставлена в положение плохо успевающего студента: она должна сдавать и пересдавать экзамен на свою уместность в ряду вузовских дисциплин, выступая при этом заведомым аутсайдером. Никак ей нельзя быть менее *полезной*, чем скажем, физкультура или математика, а не то придется довольствоваться разве что статусом факультативной дисциплины.

В последнем усматривают даже признак демократичности: пусть студенты и аспиранты сами определяют, нужна им философия или нет, надо-де им *доверять* и ни в коем случае не навязывать «философскую обяzałовку». Аспирантам вообще философия нужна разве что в виде дисциплины, *приближенной к общему науковедению* [2]. Не странно ли? Зачем это *приближение*, скажите на милость, не проще ли тогда уж ввести в программу «кандидатского минимума» (вместо истории и философии науки) именно *общее науковедение* (в котором, авось, обнаружится и философская компонента)? С.А. Лебедев даже предлагает вообще заменить эк-

замен по философии в его «усеченном» ВАКом варианте экзаменом по *любому (!) гуманитарному предмету* (экономике, патентному праву, менеджменту, языкознанию, политологии, теории и истории искусства и т.п. – по выбору самого аспиранта), знание которого почему-то *обязательно* для кандидата каких-либо наук – это якобы и станет свидетельством «деидеологизации» высшего образования (словно философия – это непременно какая-нибудь идеология, а вот экономика, социология или политология – никак нет!). Для преподавания истории и философии науки в России не хватает профессионалов (в этом надо согласиться с С.А. Лебедевым), зато их, оказывается, предостаточно для преподавания *любой другой* гуманитарной дисциплины!

Невообразимая путаница с этой пресловутой *полезностью* философии. Господа, будем последовательны и откровенны! Если под полезностью понимать нечто сугубо *утилитарное* и *непосредственно практически применимое*, то любая – повторяю, *любая!* – вузовская дисциплина даст философии сто очков форы, и место философии в высшем образовании – на задворках, да и то из «милости к падшим» или почтения к славному прошлому этой бывшей «царицы наук».

Я думаю, польза философии – все же в другом. Она – *необходимая и ничем* (ни менеджментом, ни патентным правом) *не заменимая часть культуры*, без которой грош цена высшему образованию. Философия позволяет *индивиду* ориентироваться в пространстве *всеобщих культурных ценностей*. Она дает *специалисту* возможность осознать *человеческий* смысл его профессиональной деятельности. Она открывает *человеку* бесконечный путь к самопознанию. Следовательно, разговор о месте философии в высшем образовании должен быть переведен на язык

иных – не плоско утилитарных – определений. По сути, речь о том, в какой культуре мы предполагаем жить в ближайшее историческое время. И значит, смысл вопроса, нужна ли философия в вузе, определяется ответом на другой вопрос: каким культурным целям служит образование, в том числе и высшее?

А кто определяет эти цели? Давным-давно, то ли с князя Владимира, то ли с Петра Великого, культурные цели на Руси определяет *власть* или, точнее, *властная элита*. Хорошо это или плохо, не будем теперь спорить. Но это так. И значит, от направления культурного развития, заданного нынешней властной элитой России, в частности, зависят место и значимость философии в структуре образования.

Вопрос, *в чем польза философии*, приобретает особый смысл, когда он звучит более конкретно: *в чем польза философии для нынешней российской власти?*

Отвечая, я присоединяюсь к мнению, высказанному В.В.Мироновым. Идет монтаж примитивной идеологии, «которая направлена на создание упрощенной системы ценностей, позволяющих эффективно (технологично) манипулировать сознанием» [3]. Понятно, что на такой стройке философия только путается под ногами, отвлекает от дела и прямо ему вредит.

Когда философия служит идеологии (В. В. Миронов прав: не только философы, но и юристы, экономисты, да, собственно, все «обществоведы» и «гуманитарии» состояли в недавнем прошлом на той же службе!), ее полезность не ставится под сомнение. Что такое идеология с точки зрения ее *пользы для власти?* Это то, что дает определенные гарантии лояльности «идеологизированного субъекта» и тогда, когда он остается «без присмотра», то есть вне непосредственного контроля за своим поведением. Философия, служащая

идеологии по заказу власти, разумеется, полезна. В то же время философия как *профессия* также нуждается во власти по вполне понятным причинам: за профессиональный труд естественно получать зарплату.

Но сама природа философии противится такому ее сугубо прагматическому предназначению. Покуда жива, она имманентной логикой своего развития рвет идеологические путы и выпархивает из золоченой клетки. Поэтому, нуждаясь в философии, власть склонна относиться к ней подозрительно; к каким последствиям приводил этот противоречивый альянс власти и философии, мы хорошо помним.

Нынешняя власть не претендует на тотальный и непрерывный контроль – это уже невозможно, да и не нужно. Однако «вполне деидеологизированного общества» не бывает, а власти все-таки нужно обеспечивать себе победу на «демократических» выборах. Ей удобнее работать с электоратом, расположенным к соответствующему восприятию предвыборных лозунгов и обещаний. Поэтому интересы власти лучше всего обслуживают орудия манипуляции общественным и индивидуальным сознанием – так называемые «политические технологии». Если соответствующих специалистов прикормить, обласкать, придать им высокий общественный и политический статус, они хорошо сделают свое дело. А нынешние философы, как правило, плохо приспособлены к такой работе, они «умничают», говорят о каких-то «ценностных универсалиях», никому непонятных и *практически бесполезных*. И опять философия заподозрена – не без оснований! – в том, что она является источником инакомыслия, разрушает «имиджи» и «харизмы», иммунизирует сознание против манипуляций.

Философы теперь не нужны власти. Но они не нужны и электорату, каким

его желает видеть власть. *Бесполезность* (а то и *вредность*) философии – слова, повторяемые и варьируемые «*практически ориентированными*» специалистами, волей или неволей уже приобщенными к той самой «примитивной идеологии», о которой пишет В. В. Миронов.. Характерно, что почти никто из них не осознает не только умозрительных, но и самых что ни на есть *практических* последствий вытеснения философии из сферы образования. Свежий и, казалось бы, не такой уж значительный пример: изменение программы кандидатского минимума – замена экзамена по философии экзаменом по истории и философии науки – совершенно не подготовлено именно *практически*. Ведь дело не только в том, что, как уже было отмечено, в России нет достаточного числа профессионалов, способных на приличном уровне читать соответствующие курсы, и почти нет соответствующей литературы. Предположим, что эти нехватки будут аврально восполнены. Но учитывая, что аспиранты (вчерашние студенты) не выносят из вузов сколько-нибудь ясных представлений о *философии*, легко предположить, что и ценность *философии науки* для них будет более чем сомнительной. (Прошу понять правильно: я не против того, чтобы аспирантам преподавали философию науки, но необходимо, чтобы это имело сколько-нибудь твердые основания, а не повисало в пустоте!). Я не пророк, но думаю, что вряд ли ошибусь, предсказав, что вся эта затея вскоре приведет к еще большей дискредитации философии – на этот раз уже на уровне подготовки ученых. А там уже недалеко и до *практических выводов* в духе незабвенного министра народного просвещения...

Суммирую. Нынешнее положение философии в вузах России можно считать критическим. Одной из главных причин кризиса является ложное пони-

мание роли и ценности философии, ее культуротворческой функции. Это одно из следствий общего культурного шока, в котором пребывает российское общество. Шанс на выход из кризиса – осознание властной элитой своей *культурной миссии* и привлечение ею к сотрудничеству (предполагающему диалог и взаимопонимание) здоровых, творческих сил философского и научного сообщества России. В связи с тем, что было сказано выше, шанс небольшой. Но если он будет упущен, кризис может стать необратимым. Может быть, именно осознание кризиса способно повысить этот шанс?

Претензии к философскому сообществу (они хорошо известны) со стороны научной и творческой элиты во многом справедливы. Конечно, не следует смешивать справедливую критику с некомпетентными (чтобы не сказать резко) нападками на философию и философов. Кроме того, не забудем, что на разрушение нормального исторического развития философии в России ушел едва не весь двадцатый век (да и раньше путь российской философии не был усеян розами, о чем свидетельствует упомянутый здесь призрак), а на ее возрождение пока не хватило ни времени, ни духовных и физических сил! Это к тому, что сейчас как никогда необходимо терпеливое доверие к философии.

Если ренессанс все же возможен, для него нужно как следует поработать. Еще раз скажу: прежде всего признаем, что нынешнее положение плачевно, и не будем обманывать ни других, ни самих себя. Само собой не «рассосется!»! Значит, нужен план выхода из кризиса. Вот как я вижу некоторые его пункты.

Ничемности разговоров о бесполезности и ненужности философии в системе высшего образования должна быть противопоставлена единая пози-

ция интеллектуальной и духовной элиты: философов, ученых, деятелей культуры, здравомыслящих и честных политиков – всех тех, кто верит в *культурное будущее России*. Эта позиция должна быть выражена явно и недвусмысленно. Помочь в том, чтобы единство было достигнуто, могли бы философские и педагогические журналы (в том числе и «Высшее образование в России»), Философское общество России, другие научные и общественно-политические структуры. Следует добиваться, чтобы именно эта позиция определяла решения тех, в чьих руках ключи от реформы высшего образования.

Эти решения, в частности, должны быть направлены на повышение профессионального уровня преподавателей философских дисциплин в вузах России. Не следует переоценивать административный ресурс, но надо его с умом и решительно использовать. Например, Минобразования должно гальванизировать работу институтов повышения квалификации преподавателей философии. Вообще этой работе следует придать первостепенное значение, сделать ее масштабной. Объединенными усилиями Минобразования, академических структур, Философского общества и ведущих университетов России следует возродить летние «философские школы» на федеральном и региональном уровнях.

Должны стать нормой конкурсы на лучшую учебно-методическую литературу по философским дисциплинам. Участие в таких конкурсах должно быть привлекательным и престижным, обсуждение конкурсных работ должно быть открытым, результаты – понятными. На основе этих результатов можно сформировать примерные комплекты УМЛ, на качество которых сориентировать российские вузы. Это не должно иметь ничего общего с навязыванием вузам «унифицированных учебников».

Достоинство философии в вузах должно поддерживаться человеческим достоинством преподавателей, которое сейчас попросту унижено мизерными окладами и рискует быть сведенным к нулю, если не будут преодолены тенденции к «вымыванию» наиболее энергичных и талантливых людей (одни уйдут в старость, другие – в бизнес, останутся – кто: фанатично преданные своему делу? бездари, которым просто не удастся применить свои силы на более успешном поприще?). Необходимо сознавать, что нынешнее положение дел толкает преподавателей в грязь коррупции; это отвратительно и опасно вообще, но для вузовской философии – смертельно (только вообразить, как о смысле жизни и культурных ценностях повествует с кафедры философ – вымогатель и взяточник!). Человек на философской кафедре неотделим от того, что он говорит (в отличие, наверное, от преподавателя черчения или математики). Молодые люди, чуткие к лжи и всяческой позе, верят или не верят человеку скорее, чем учебнику. И это накладывает особую ответственность на тех, кто формирует состав философских кафедр.

Новое время требует новых методов и средств. Необходимо расширить диапазон философского образования за

счет возможностей Интернета. В настоящее время уже существуют достаточно обширные электронные библиотеки философской литературы, но вузовская философия все еще проходит мимо них. Между тем, Сеть – отличное средство для вовлечения студентов в философскую дискуссию; собственно, это уже происходит, но стихийно, помимо вузов. Кто бы взял на себя инициативу (и расходы, хотя и не такие уж значительные!) создания Всероссийского философского форума в Рунете? На таком форуме, я уверен, современная философия (в том числе и вузовская) увидела бы себя глазами тех, кому она, собственно, и предназначена. Возможно, это было бы не слишком лестно, но зато куда как полезно!

Литература

1. *Иваненков С. П., Кусжанова А. Ж.* О III Философском конгрессе: цеховые заметки // Вестник Российского Философского общества. – 2002. – № 4. – С. 45.
2. *Лебедев С. А.* Плюрализм и фундаментальность // Высшее образование в России. – 2002. – № 1.
3. *Миронов В. В.* «Деидеологизация» – новая идеология? (о месте философии в образовании) // Высшее образование в России. – 2002. – № 1.

ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ

4 февраля 2003 года на 75 году жизни ушел от нас русский и советский философ **СЕРАФИМ ТИМОФЕЕВИЧ МЕЛЮХИН**. Оборвалась жизнь человека и ученого, который плодотворно потрудился в философии, оставив массу учеников и множество незавершенных проектов и идей.

Ушел из жизни удивительный человек, которого я искренне могу назвать учителем, не только по формальным признакам, но и по экзистенциальным соображениям.

От имени друзей и коллег

В. Миронов, профессор, декан философского факультета МГУ